

Анна Клюкина

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ЛАДЫГИНА-КОТС – СООСНОВАТЕЛЬ ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. 18 мая 2019 года исполнилось 130 лет со дня рождения известного русского зоопсихолога, приматолога, музейоведа, доктора биологических наук Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс. Ее имя очень хорошо известно в научном мире, однако ее вклад в создание Дарвиновского музея в Москве известен значительно меньше. Основатель Дарвиновского музея Александр Федорович Котс во всех статьях и выступлениях по музейоведению всегда называл имя своей супруги как соосновательницы музея. Естественно, в экспозиции Дарвиновского музея ее имя занимает достойное место, но по мере обработки архивных документов музея стало очевидно, что Надежда Николаевна была и прекрасным музейологом. Более того, ее исследования обобщенного портрета посетителя, распределение внимания посетителей при осмотре выставок и т.д., которые, к сожалению, никогда не печатались, весьма актуальны и сегодня.

Чтобы читатель лучше понял характер Надежды Николаевны, мы при подготовке данной статьи «предоставили слово» ей самой и ее любящему супругу.

Abstract. May 18th, 2019 marks the 130th anniversary of the famous Russian zoopsychologist, primatologist, museologist, doctor of Biological Sciences Nadezhda Ladygina-Kohts. She is very well known in the academic world. Unfortunately, not so many people are aware of her contribution to the creation of the Darwin Museum in Moscow. The founder of the Darwin Museum and Nadezhda's husband – Alexander Feodorovich Kohts – in all articles and speeches on museology, always named her as the co-founder of the museum.

Naturally, her name has always occupied a prominent place in the Darwin Museum's permanent exhibition. However, after the thorough study of the museum archival documents, it became obvious that Nadezhda was also an excellent museologist. Her studies of the museum visitor's generalized portrait, of how visitors' attention is shifting when walking around the exhibition, etc. are extremely relevant today. Unfortunately, they have never been published before.

In order for the reader to better understand the character of Nadezhda Nikolaevna, when writing this article “we gave the floor” to Nadezhda Ladygina-Kohts herself and her loving spouse.

Каждый студент биологического факультета знает имя Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс

Редкая крупная монография по зоопсихологии обходится без ссылок на уникальные исследования Надежды Николаевны

Надежда Николаевна – сооснователь Дарвиновского музея

Любой студент биофака уже как минимум с третьего курса знает имя этой легендарной женщины. Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889–1963) – русский и советский зоопсихолог, приматолог и музеевед, доктор биологических наук. Одна из немногих отечественных психологов, получивших мировую известность и признание. Сегодня в России и за рубежом редкая крупная монография по зоопсихологии обходится без ссылок на уникальные исследования Надежды Николаевны.

Ее труды по психологии известны во всем мире и переведены на все основные европейские языки.

Но здесь мне хочется рассказать о Надежде Николаевне как о сооснователе Дарвиновского музея. А кто, кроме ее любящего мужа, может достойно об этом рассказать? Поэтому в данной работе я обращусь прежде всего к архивам основателя Дарвиновского музея Александра Федоровича Котса и к автобиографии Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Молодому лектору Московских высших женских курсов, по просьбе любознательных слушательниц, поручили читать курс дарвинизма. Для того, чтобы лекции были понятными и зрелищными, молодой преподаватель перевез на курсы свою частную коллекцию и убедил ректора курсов, профессора С.А. Чаплыгина, в 1907 г. издать приказ о создании при МВЖК Дарвиновского музея.

Группа слушательниц МВЖК (в их числе Надежда Ладыгина-Котс) с преподавателем А.Ф. Котсом; г. Москва, Мерзляковский пер., 1912 г.

Обратимся
к архивам
А.Ф. Котса и
к автобиографии
Н.Н. Ладыгиной-
Котс

Предоставим слово А.Ф. Котсу: «**Московские высшие женские курсы...** Не из их ли недр выявилась та, которой суждено было сыграть решающую роль в судьбе моей, или – что тоже – в жизни моего музея?»

Из десятков тысяч девушек, учившихся на курсах и отчасти моих бывших учениц, мне выпало счастливо отыскать именно ту, которая смогла и пожелала в полной мере, нет! сверх всякой меры разделить со мной заботы и труды по созданию **Дарвиновского музея**.

Только ей, **Надежде Николаевне Ладыгиной**, научные труды которой заняли одно из самых первых мест в науке мира, – наш музей обязан той известностью, которую он пользуется в мировой науке.

Только ей, **Надежде Николаевне**, – моему бессменному помощнику на капитанском мостике “Музейного судна”, обязан я успешным минованием подводных рифов и спасением при многократных шквалах и порой – тайфунах...

И как многогранно складывалась эта помощь! То чудесными фолиантами научных книг, то острой репликой на заседаниях, то метким корректированием работ художников и препараторов, то кипами сухих и четких регистраций, то лиризмом своей скромной поэтической демократичной музы, так тепло и так охотно откликавшейся и на стенных газетах, и в приветствиях сотрудникам...» [1, с. 196–197].

«С умилением вспоминаются доселе **первые этапы этого совместного пути**.

Первый подарок жениха невесте: белый ястреб, купленный на место ею ожидаемых карманных часов.

Презент невесты жениху: чучело львенка за 8 рублей.

Приданое невесты: черный волк и белый волк – два чучела, оплаченные суммой, предназначенной для устройства будущих “хором”.

В итоге: превосходные два экспоната в переполненном музее и полупустые комнаты у новобрачных» [Там же, с. 76].

1907 – год основания музея, и именно в этом году Надежда Ладыгина окончила с золотой медалью семь классов Первой пензенской гимназии и осталась еще на один год в 8-м классе (педагогическом, специализиру-

Н.Н. Ладыгина-Котс
и А.Ф. Котс; г. Москва, 1911 г.

1907 г. – год основания музея и год окончания Надеждой Ладыгиной пензенской гимназии

ясь по литературному отделению). Вот что об этом времени пишет сама Надежда Николаевна в своей автобиографии:

«...я мечтала поступить на Высшие женские курсы на медицинский факультет, предполагая избрать своей специальностью психиатрию...» —
Н.Н. Ладыгина-Котс

«Будучи еще в 8-м классе гимназии, я мечтала поступить на Высшие женские курсы на медицинский факультет, предполагая избрать своей специальностью психиатрию, казавшуюся мне особенно интересной по тому необычайному впечатлению, которое произвели в то время на меня рассказы о душевнобольных людях, которых мне страстно хотелось суметь вернуть к нормальному состоянию.»

Пензенская женская гимназия №1; г. Пенза, 1907 г.

Весной 1908 года по окончании 8 класса гимназии я подала заявление о зачислении меня на медицинский факультет, но не была принята только потому, что в гимназическом аттестате у меня была одна четверка по физике, поэтому мне предложили зачисление на естественное отделение физико-математического факультета.

Сначала я была очень огорчена этим, но потом подумала о том, что могу поступить на медицинский факультет после окончания естественного отделения или перейти на медицинский факультет со 2-го или 3-его курса (что тогда практиковалось, так как первые семестры медички и естественницы слушали одни и те же курсы лекций).

Но в первый же год занятий на естественном отделении я очень заинтересовалась лекциями по зоо-

Н.К. Кольцов со слушательницами МВЖК, среди них — Надежда Ладыгина; г. Москва, 1900–1910-е гг.

А.Ф. Котс и Н.Н. Ладыгина-Котс в аудитории Московских высших женских курсов; г. Москва, Мерзляковский пер., 1911 г.

логии, прекрасно читаемыми профессором Н.К. Кольцовым и практическими занятиями по анатомии животных, которые вел в то время молодой преподаватель А.Ф. Котс...

Из лекций, читаемых на Высших женских курсах, особенно увлекателен был демонстрационный курс эволюционного учения, сопровождавшийся показом богатейших коллекций различных животных, собранных А.Ф. Котсом, тех коллекций, которые стали основой будущего Дарвиновского музея.

В 1911 году, будучи на 3-м курсе, я вышла замуж за А.Ф. Котса и с этого года включилась вплотную в работу по музею и в практические занятия со слушательницами курсов по демонстрации коллекций музея» [2, с. 19].

«Как уже было сказано, моя музейная деятельность началась с 1911 года.

В качестве соосновательницы будущего Дарвиновского музея я участвовала в систематизации и инвентаризации биологических коллекций, собранных моим мужем, основателем музея А.Ф. Котсом.

На протяжении 11 лет я безвозмездно помогала как в организации демонстрационных лекций по курсу эволюционного учения, читаемых А.Ф. Котсом для слушательниц Московских высших женских курсов, так и сама проводила практические занятия со слушательницами курсов на базе коллекций музея» [2, с. 36].

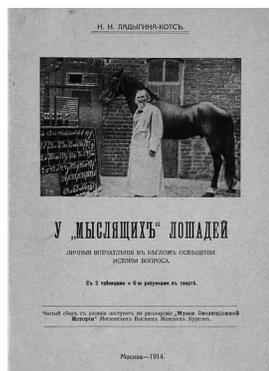
«Летом 1913 года мною, совместно с А.Ф. Котсом, была осуществлена поездка в Западную Европу, где мы посетили Германию, Францию, Бельгию, Англию, знакомясь с музеями и зоопарками этих стран, в частности, мы ознакомились с экспериментами над “мыслящими” лошадьми в Эльберфельде (Германия), “обучаемыми” К. Краллем.

Во время этой поездки мы посетили в Англии местечко Даун, где в течение последних 40 лет жил и работал великий Дарвин.

Г. Даун, Англия, 1910–1913 гг.

Результаты поездки в Европу были отражены мною в ряде докладов, прочитанных в студенческом биологическом кружке

Брошюра
Н.Н. Ладыгиной-Котс «У «мыслящих» лошадей»; г. Москва, 1914 г.

Приобретение детеныша шимпанзе Иони стало поворотным в деле выбора тематики научных исследований

Результаты этой поездки были отражены мною в ряде докладов, прочитанных в студенческом биологическом кружке, председателем которого я в это время состояла, и в обществе распространения естественно-научных знаний. Позднее, эти доклады были опубликованы в виде двух брошюр: «В отчизне Даунского отшельника» и «У «мыслящих» лошадей – личные впечатления в беглом освещении истории вопроса».

Будучи председателем студенческого кружка, я поставила целью приобщить слушательниц курсов зоологии к вопросам зоопсихологии. Мы готовили рефераты по книгам о поведении животных, выступали с докладами, причем на наших докладах присутствовали профессор Н.К. Кольцов и его ближайшая ассистентка зоопсихолог М.П. Садовникова.

В 1913 году мой интерес к психологии животных расширился и углубился благодаря чрезвычайно удачному приобретению молодого шимпанзе, который был помещен у нас на квартире и в течение 2,5 лет был подвергнут мною изучению, как со стороны эмоциональных его проявлений, так и познавательных способностей» [2, с. 22].

Приобретение шимпанзе стало поворотным в деле выбора тематики научных исследований. Вот как то же самое событие описывает Александр Федорович:

«Было это в октябре 1913 года. По приходе на занятия автору случайно довелось услышать от товарища-зоолога о виденном в одном зоологическом магазине молодом шимпанзе, привезенном незадолго перед тем из Гамбурга. С трудом дождавшись окончания занятий, автор бросился домой, чтобы немедленно в сопро-

Н.Н. Ладыгина-Котс проводит с шимпанзе Иони опыт на ассоциации по сходству; г. Москва, лето 1915 г. Автор: А.Ф. Котс.

вождении жены и препаратора Ф. Федулова поехать на смотрины маленького африканца.

Скромный магазинчик на Неглинной, бойко торговавший под зоологической фирмой “Ахиллес”. Владелец фирмы, маленький и сангвиничный немец, хорошо оправдывал свою фамилию быстротой движений, уступая разве своему четвероногому питомцу, маленькому черному шимпанзе, кубарем носившемуся по его квартирке. Занятый в момент прихода посетителей игрой с собачкой, шимпанзенок при виде новых лиц оставил свою жертву, на прощание съездив ей с размаху по спине ладонью, бросился к гостям, обнюхал всех поочередно, укусил попутно одного из них, и, наконец, уселся на колени и в объятия своей хозяйки, плутовато озираясь в поисках других объектов своих шалостей.

Не думалось тогда, 25 лет тому назад, что маленькому сорванцу будет дано раскрыть душевный мир своих далеких африканских родичей и обеспечить за музеем третье место в мировой науке по исследованию антропоидов.

Но, разумеется, ни о каких “исследовательских” проектах, планах и программах в пору первого знакомства с будущим питомцем не было и речи. Чувствовалась лишь потребность купить звереныша во что бы то ни стало. Таково же было мнение и препаратора Федулова, товарищески предложившего ссудить задаточную сумму в 250 рублей: по счастью сам владелец магазина согласился на рассрочку платежа.

С глубокой благодарностью доселе вспоминает автор милые, простые отношения к себе владельцев магазина и особенно фанатика-любителя животных Франца Ахиллеса, вынужденного позднее выехать в Германию.

Но с еще более глубоким, трогательным чувством вспоминается доселе маленький виновник будущего торжества музея, объект бесчисленных его забот – **шимпанзе Иони**, в тот же день перевезенный на квартиру автора и водворенный в специально отведенной комнате.

При всем своем наружном безобразии он искренно располагал к себе своим веселым нравом, вечной склонностью к игре, смышленостью, привязанностью к людям и, конечно, всего прежде, жуткой близостью устройства своей психики к таковой ребенка, – дефективного, отстающего, но от того не менее нуждающегося в ласке и любви.

Три года, день за днем, с утра до вечера, до поздней ночи продолжалось небывалое в истории науки непрерывное общение четы зоологов с их буйным озорным приемьшем. Что же удивительного, если результаты оказались столь незаурядными, единственными в своем роде...» [3, с. 110].

В связи с приобретением детеныша шимпанзе, при музее была основана зоопсихологическая лаборатория и заложена база будущего зоопсихологического отдела

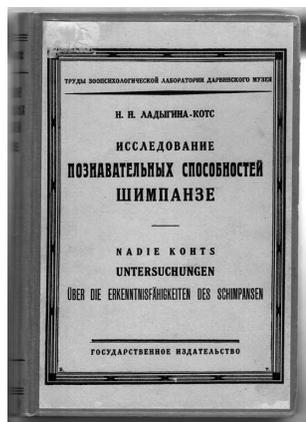
1913 г. был насыщен событиями в жизни музея. В этом же году, видимо, все-таки в связи с приобретением детеныша шимпанзе, при музее была основана зоопсихологическая лаборатория и заложена база будущего зоопсихологического отдела (отдел по изучению поведения животных).

В 1913 г. А.Ф. Котс решил подарить свой музей Московским высшим женским курсам

В этом же 1913 г. А.Ф. Котс решил подарить свой музей Московским высшим женским курсам, поставив несколько условий: пожизненного заведования музеем, оплаты за счет курсов ставки препаратора и выделения средств на пополнение коллекций. Сам же Александр Федорович и его супруга все работы по созданию музея осуществляли бесплатно. В своем личном листке по учету кадров Н.Н. Ладыгина писала, что была внештатным сотрудником Дарвиновского музея с 1911 по 1922 гг. Все эти годы она проводила практические занятия для слушательниц МВЖК, используя коллекции музея.

За три года с шимпанзе Иони Надежда Ладыгина, еще студенткой, собрала огромный материал

За три года жизни под одной крышей с шимпанзе Иони (к сожалению, через три года шимпанзенок простудился и погиб) Надежда Ладыгина, будучи еще студенткой, собрала огромный материал. «*Материалы по опытам с шимпанзе легли в основу моей дипломной работы, носившей заглавие “Новый метод исследования познавательных способностей шимпанзе”.* Эта работа была предъявлена мной по окончании московских Высших женских курсов (в 1916 г.) в испытательную комиссию при Московском университете, где мы держали государственные экзамены, и где она получила высокую оценку.

Книга Н.Н. Ладыгиной-Котс «Исследование познавательных способностей шимпанзе»; г. Москва, 1923 г.

Основной экстракт из этого труда был доложен на Съезде естествоиспытателей и врачей на заседании, проходившем под председательством академика В.М. Бехтерева. Позднее в 1923 году эта работа в расширенном виде была опубликована государственным издательством под названием «Исследование познавательных способностей шимпанзе». Резюме этого научного труда опубликовал французский психологический журнал в Париже в 1924 году.

Монография Н.Н. Ладыгиной-Котс еще до ее опубликования вызвала большой интерес со стороны ряда московских психологов и зоологов

После окончания МВЖК Надежда Николаевна стала работать в Институте психологии и активно продолжала свои опыты с животными

В 1922 г. Н.Н. Ладыгина-Котс была зачислена в штат Дарвиновского музея – самостоятельного учреждения культуры

«В 1916 году я была приглашена работать в институт психологии Московского университета для прохождения практикума по экспериментальной психологии. Позднее в том же институте я участвовала в психологических семинарах, а после Великой Октябрьской революции была назначена действительным членом этого института, участвуя в его реорганизации» [2, с. 24–25].

Работа Н.Н. Ладыгиной-Котс еще до ее опубликования вызвала большой интерес со стороны ряда московских психологов и зоологов: профессоров Г.И. Челпанова, А.Н. Нечая, К.Н. Корнилова, Г.И. Россолимо, И.Ф. Огнева, С.И. Огнева, А.Н. Северцова, Г.А. Кожевникова и других.

Как видно из автобиографии Надежды Николаевны, после окончания курсов она стала работать в Институте психологии и активно продолжала свои опыты с попугаями, собаками, домашними птицами (куры, гуси, фазаны, индейки, павлины, лебеди).

Свои наблюдения она проводила в основном в Московском зоопарке, директором которого (1920–1923) по совместительству с работой в музее и чтением лекций в МВЖК был А.Ф. Котс.

В 1922 г. Дарвиновский музей получил статус самостоятельного учреждения культуры и Н.Н. Ладыгина-Котс была зачислена в штат музея на должность заместителя заведующей зоопсихологической лабораторией, а в 1924 г. была переведена на должность заведующей психологической лабораторией.

Так она описывала этот период своей жизни: *«Начиная с 1922 года, с того времени, когда я впервые получила штатное место при Дарвиновском музее, я включилась в экскурсионную работу, обслуживания все контингенты его посетителей, начиная от школьников*

Н.Н. Ладыгина-Котс в вольере с курами; г. Москва, Московский Зоопарк, около 1920 г.

Н.Н. Ладыгина-Котс играет с медвежонком; г. Москва, Московский зоопарк, около 1920 г.

Н.Н. Ладыгина-Котс и директор Психологического института им. Л.Г. Шукиной Л.И. Челпанов с сотрудниками института, г. Москва. 1910-е годы.

Н.Н. Ладыгина-Котс проводит экскурсию для школьников по зоопсихологическому отделу Дарвиновского музея; г. Москва, 1920-е годы.

старших классов и включая обширные массы колхозников, рабочих, красноармейцев, педагогов, учащихся ФЗО, техников, студентов всех видов вузов, научных работников. Моя экскурсионная работа продолжалась в течение 20 лет.

Хорошие отзывы, которые оставляли посетители музея и слушатели моих лекций, свидетельствовали об успешности моих объяснений. Мне лично особенно интересно было проводить экскурсии по двум залам Дарвиновского музея, в экспозициях которых были проиллюстрированы темы, относящиеся к показу некоторых моментов поведения животных» [2, с. 42].

Трудно сказать, когда именно у Надежды Николаевны зародилась мысль провести параллельное изучение психики шимпанзе и ребенка, в целях получения твердого критерия в суждении о форме и характере родства обоих. Может это произошло в 1925 г., когда у четы Котсов родился долгожданный первенец.

К этому времени у Н.Н. Ладыгиной-Котс был накоплен огромный опыт по изучению поведения детеныша шимпанзе, который целых три года содержался в квартире молодых супругов, и непрестанно с утра до вечера общался с ними. А скорее всего Надежда Николаевна решила провести такие наблюдения еще до рождения сына.

Александр Федорович так описывал рождение ребенка: «Едва успели ясные глаза малютки приоткрыться в первый раз, как это первое движение уже закрепилось неокрепшею еще рукой матери. Первые строки дневника совпали с первыми часами жизни мальчика, первые снимки камерой коснулись первых его дней.

И день за днем, и ночь за ночью, днями, месяцами, долгие семь лет, упорно, неотступно продолжалось это изу-

Трудно сказать, когда именно у Надежды Николаевны зародилась мысль провести параллельное изучение психики шимпанзе и ребенка

Руди на руках Н.Н. Ладыгиной-Котс; г. Москва, 1925 г. Автор: Л.М. Сытин

чение душевной жизни маленького человека, закреплённой кипами страниц и тысячами фотоснимков.

Нелегко бывало матери-ученому, но нелегко порой и маленькому испытываемому, с первых дней рождения призванному послужить науке; оттенить ценой своего детства жизнь и психику строптивого и буйного собрата, – маленького, черномазого шимпанзе Иони.

Таковы были условия работы как гарантия документальности ее итогов, подтвердивших давнее учение о реальной, кровной связи и о подлинном родстве животного и человека, в то же время призывавших к крайней осторожности в вопросах уточнения сходства и различия обоих» [4, с. 256].

Сама Н.Н. Ладыгина об этом времени оставила такую запись: «В 1925 году у меня родился первый (и единственный) сын, за психическим развитием которого я вела непрерывные наблюдения с первого часа его жизни и до 7-летнего возраста. Протоколы этих наблюдений составили 1000 страниц текста и иллюстрируются многими тысячами фотографий, передающих особенно выразительные моменты поведения и умственного развития мальчика.

Эти дневники частично были использованы в монографии “Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях”. Сравнимый период времени захватывал возраст ребенка от 1,5 до 4-х лет в соответствии с возрастом наблюдавшегося ранее дитяти шимпанзе.

Работа нашла широкий резонанс в зарубежных изданиях, а оригинальные фотографии из нее были репродуцированы в ряде изданий, вышедших в Америке, Англии, Германии, Франции, Голландии, Польше. Книга получила многочисленные отзывы, а выводы цитировались в различных советских и зарубежных изданиях, посвященных вопросам сравнительной и общей психологии, зоологии, антропологии. Отдельные выдержки из монографии были включены в учебники по зоологии и эволюционному учению для средней школы и вузов, а также в ряд научно-популярных изданий. Экстракт этой работы вошел в сборник “Поведение, чувства, мысли животных”» [2, с.30].

Надежда Николаевна была, безусловно, талантливым ученым и исследователем, но, мне кажется, если бы не заботливый и любящий муж, эти работы могли бы и не выйти в свет. Или это были бы совершенно другие исследования. Для того, чтобы создать условия для работы, преданный муж был готов на все: от покупки

Надежда Николаевна была безусловно талантливым ученым и исследователем, но если бы не заботливый и любящий муж, эти работы могли бы и не выйти в свет

дорогостоящего шимпанзе до освоения искусства фотографии, чтобы фиксировать опыты супруги. Лучшим художникам-анималистам он заказывал картины на тему опытов Надежды Николаевны, нанимал лучших фотографов, когда у него самого не хватало времени проводить многочасовые фотосъемки, таксидермисты по его заказам изготавливали чучела и биогруппы, отражающие типовые моменты в поведении животных.

А.Ф. Котс был готов на все: от покупки дорогостоящего шимпанзе до освоения искусства фотографии, чтобы фиксировать опыты супруги

Н.Н. Ладыгина-Котс сама писала об этом в своей автобиографии:

«В самом музее его препараторами оформлялся ряд биологических таксидермических препаратов, передающих отдельные моменты поведения животных – игры молодых животных. Закреплялись в виде чучел павшие лабораторные животные, участвовавшие в моих опытах, посвященных изучению их поведения (различные виды попугаев, собаки, молодые волки, низшие и высшие обезьяны).

За период 46 лет моего соучастия в строительстве Дарвиновского музея было написано огромное количество картин, посвященных иллюстрации самых различных типов поведения животных, как диких,

Н.Н. Ладыгина-Котс консультирует художника К.К. Флерова, иллюстрирующего ее опыты с шимпанзе; г. Москва, Государственный Дарвиновский музей (ГДМ), 1943 г.

А.Ф. Котс и Н.Н. Ладыгина-Котс консультируют Ф.Е. Федулова, который заканчивает работу над чучелом шимпанзе; г. Москва, ГДМ, 1930-е гг.

А.Ф. Котс и Н.Н. Ладыгина-Котс консультируют В.А. Ватагина в процессе работы над скульптурой гориллы; г. Москва, ГДМ, 1929 г.

так и одомашненных, а также участвовавших в качестве испытуемых в опытах зоопсихологической лаборатории Дарвиновского музея.

Картины были выполнены под моим руководством выдающимися русскими художниками-анималистами: В.А. Ватагиным, К.К. Флеровым, Н.Н. Кондаковым, В.В. Трофимовым и другими.

Еще более обширную коллекцию представляют собой тысячи фотографических снимков, связанных с иллюстрацией моих личных наблюдений инстинктивного поведения животных зоопарка и с моими экспериментальными исследованиями познавательных способностей самых различных животных.

Весь этот обширный материал, включающий коллекции насекомых, млекопитающих, экспериментальная аппаратура, используемая при исследовании подопытных животных, десятки таксидермических препаратов в виде биологических групп, сотни картин, тысячи фотоснимков, как и выполненные под моим руководством скульптуры выдающихся исследователей поведения животных (Брема, Дарвина, Вагнера, Йеркса, Павлова), составляют тот фонд, который будет развернут в отделе, посвященном эволюции поведения животных в новом здании Дарвиновского музея» [2, с. 39–40].

Надежда Николаевна разделяла все тяготы по созданию Дарвиновского музея, всегда поддерживала мужа в его борьбе за новое здание. И, занимаясь музейной работой, ни на минуту не забывала о том, что она, прежде всего, психолог. В Дарвиновском музее хранится огромный архив Н.Н. Ладыгиной-Котс, который еще, конечно, предстоит изучить и подготовить к печати неопубликованные рукописи. Большая часть научных работ Надежды Николаевны вышли в свет, но ее наблюдения за публикой, будь то зрители в театре, посетители выставки, участники каких-либо мероприятий, ждут своего часа. Ее заметки, сделанные, как правило, простым карандашом, часто между строк в какой-нибудь брошюре, на случайных обрезках бумаги, в записных книжках, представляют огромный интерес. Например, ее наблюдения за зрителями-одиночками в часы дежурства в естественнонаучном отделе выставки, устроенной к музейному съезду (декабрь 1930 г.), поражают своей логикой и аналитикой.

Возьмем сегодня любую многостраничную монографию по исследованию посетителей музея, и она во многом уступает двадцати страничкам, исписанным карандашом. Здесь есть все: и степень привлекательности экспонатуры на выставке, и одиночные высказывания людей по поводу

Собранный обширный исследовательский материал составляет фонд в отделе, посвященном эволюции поведения животных, в новом здании Дарвиновского музея

Надежда Николаевна, занимаясь музейной работой, ни на минуту не забывала о том, что она, прежде всего, психолог

Наблюдения за публикой, сделанные простым карандашом, часто между строк в какой-нибудь брошюре, на случайных обрезках бумаги, в записных книжках, представляют огромный интерес

экспонатов, и рекомендации (абсолютно актуальные и сегодня) по поводу этикетаж, и психологический портрет зрителя одиночки. Стоит привести его полностью.

«Каким представляется мне эскизный психологический абрис зрителя одиночки на основании моих наблюдений и речевых реакций зрителя.»

Текущий зритель одиночка идет в музей *смотреть*, но не читать и изучать – его прежде всего интересует то, что нагляднее, выразительнее (живая мышь, красочные муляжи, модели), он прежде всего *созерцатель*.

Он любопытен, но мало любознателен, вопрос что задается им чаще, чем почему и отчего?

Он практик – экспонаты, имеющие отношение к его обиходу, он рассматривает особенно охотно и делает практические для себя выводы.

Он скептик – он зачастую не верит тому, что написано.

Он нетерпелив, тороплив – новое не хочет сам прочесть, досмотреть, даже то, чем интересуется (не читает более длинный этикетаж, не досматривает альбомы).

Он порой мало сведущ сам, но не прочь поучить другого.

Он ищет себе легкой и быстрой помощи в затрудняющих его случаях, с благодарностью и жадностью принимает даваемые ему устные объяснения – он явно ценит их» [5].

Надежда Николаевна, в отличие от Александра Федоровича, никогда не писала статей по музееведению, но ее случайные и не систематизированные заметки явно представляют большой интерес.

Сотрудникам музея пока не удалось установить, почему во время работы в Дарвиновском музее Надежда Николаевна занимала разные должности. Заведование зоопсихологической лабораторией понятно – она была создана для нее, но в 1926 г. она стала хранителем музея, в 1928 – научным сотрудником I разряда, с 1933 – старшим научным сотрудником, в 1936 – опять заведующей зоопсихологическим отделом, но в 1940 г. переведена на должность старшего научного сотрудника. Возможно, это было как-то связано с ее напряженной научной работой. В 1941 г. Ученым советом МГУ по совокупности работ без защиты диссертации ей была присуждена степень доктора биологических наук (ВАК утвердил степень только в 1943 г.).

1941 год. Конечно, ни о какой эвакуации речь даже и не шла. Немногочисленные сотрудники музея запаковали наиболее ценные экспонаты и перевезли их в Новодевичий монастырь, часть ящиков спустили в подвал музея. Дарвиновский музей был открыт для посети-

Надежда Николаевна никогда не писала статей по музееведению, но ее случайные заметки представляют большой интерес

Надежде Николаевне была присуждена степень доктора биологических наук

1941 г. В музее Надежда Николаевна возглавила работу по организации помощи фронту

телей все годы войны, ежедневно проводили экскурсии школьникам и выздоравливающим бойцам. В музее Надежда Николаевна возглавила работу по организации помощи фронту. Осенью 1941 г. она организовывала сбор и отправку в несколько этапов на фронт теплых вещей для бойцов Красной Армии.

Специально для раненых бойцов, преимущественно женщин, Надежда Николаевна подготовила лекцию-беседу на тему «Душевный мир животного и человека»

К праздничным дням Надежда Николаевна организовывала так называемые отказы от талонов продовольственных карточек в пользу Красной Армии. На фронт постоянно формировались и отправлялись продовольственные посылки. Для каждой посылки от лица всех сотрудников музея Надежда Николаевна готовила теплое, сердечное письмо с пожеланием скорейшей победы. Надежда Николаевна и Александр Федорович провели сотни лекций в госпиталях, а их сын показывал в палатах кинофильмы. Специально для раненых бойцов, преимущественно женщин, Надежда Николаевна подготовила лекцию-беседу на тему «Душевный мир животного и человека».

Опытный психолог, Н.Н. Ладыгина-Котс с большой чуткостью и теплотой вела беседы со всеми и с каждым в отдельности, подолгу задерживаясь у кровати той или другой раненой женщины, отвечая терпеливо и доброжелательно на все вопросы по теме и не по теме. Мне кажется, что эти беседы были не что иное, как сеансы психологической разгрузки для раненых и физически очень страдающих от своих ранений женщин.

Значительную часть времени своих посещений госпиталей тратила Надежда Николаевна на помощь раненым бойцам в написании писем домой, родным и близким

Значительную часть времени своих посещений госпиталей тратила Надежда Николаевна на помощь раненым бойцам в написании писем домой, родным и близким. Переходя от одной кровати к другой, терпеливо и внимательно писала и писала.

Н.Н. Ладыгина-Котс вошла в состав скромной группы, посвятившей себя служению раненым в дни величайших испытаний Родины

Александр Федорович Котс с глубоким восхищением отзывался об этой работе супруги.

«Давний, преданный, самоотверженный сотрудник – сосоздатель Дарвиновского музея – верная спутница жизни пишущего эти строки, – Н.Н. Ладыгина-Котс, вошла в состав скромной группы, посвятившей себя служению раненым в дни величайших испытаний Родины.»

Ученый мирового ранга, автор капитальнейших трудов, занявших третье место в мировой науке, и повторно приглашавшаяся персонально на международные научные конгрессы (Америка, 1929 г.; Париж, 1936 г.). Этот верный друг на моем жизненном пути привнес в свою работу в госпитальных стенах три дарования: мысль ученого-новатора, женскую чуткость и душевность поэтического творчества.»

Фото 18. Н.Н. Ладыгина-Котс в палате госпиталя рассказывает о своих опытах с шимпанзе; г. Москва, 1941–1944 гг.

Мысль ученого... Достаточно сказать, что половина всех прочитанных в палатах лекций опиралась целиком на упомянутые капитальные труды, своей тематикой (“Душевный мир животного и человека”) ставшие особенно доступными для выступления перед госпитальной аудиторией.

Равно доходчивые содержанием и оформлением (оригинальные фото-таблицы и картины, поясняющие разницу и сходство в поведении ребенка и детенышей

животных) – эти лекции служили актуальнейшим орудием разоблачения фашистских измышлений о неравноценности народностей и наций...

Чуткость женщины – ученого и лектора особенно сказалась при работе с женской госпитальной аудиторией, будь то больные или раненые женщины – врачи, медсестры, санитарки, или подлинные участницы боев. Легко понять, что здесь, работая в женских палатах, подходя к их обитательницам с материнской лаской и участием сестры, жена была в состоянии дать то, чего не в силах были обеспечить никакая опытность и задушевность старого профессора.

Но было еще и третье свойство, третий дар, внесенный моей верной спутницей в науку и на жизненном пути в свое посильное служение больным и раненым, – дар, оказавшийся незаменимым и способным перекрыть все преимущества науки и кино: дар скромного, но искреннего поэтического творчества.

Именно к этой своей музе, скромной, но отзывчивой, нередко приходилось апеллировать моей жене в дни календарных праздников – в день Красной армии или 8 марта, как особенно при проведении местных госпитальных празднеств, при раздаче знаков боевых отличий раненым героям или героям.

Помещая ниже пару образцов подобных стихотворных обращений, мы закончим настоящий очерк пожеланием, чтобы стихи эти, при всей своей непритязательности, досказали о мотивах, побудивших скромную семью из матери, отца и сына посвятить себя служению боевого тыла в дни великих испытаний Родины, в предвидении ее великой, полной, героической Победы». Декабрь 1943 [6, с. 75].

**Посвящается трем бойцам-орденоносцам:
Н.М. Зимину, И.П. Силакову, С.И. Тишкину**

В этот радостный час,
Когда слышим приказ
Награждения за подвиги Вас,
Я поздравить хочу,
Мыслью, сердцем ищю
Слов прекрасных глубоких сейчас.

Я скажу, что народ
Подвиг ваш он зачтет,
Пронесет Вашу славу в века,
И за Вами пойдут
Ваш товарищ вперед,
Сокрушит до конца он врага!

Нашу Родину-мать
Никому не отнять,
Коль подобны вам будут бойцы:
Будут так воевать,
Будут так побеждать,
Как сражались вы – храбрецы!

Орден, Вам что вручен,
Пусть покажет всем он,
Как исполнен был долг боевой,
Как за Родину сын
В пору тяжких годин
Воевал, как достойный герой.

*Н. Н. Ладыгина-Котс
24 февраля 1943 [6, с. 76].*

Н.Н. Ладыгина-Котс была награждена почетной грамотой и медалями за свою культурно-просветительскую работу в дни Великой Отечественной войны

За свою культурно-просветительскую работу в дни Великой Отечественной войны в госпиталях, подшефных Государственному Дарвиновскому музею, Н.Н. Ладыгина-Котс была награждена почетной грамотой от Фрунзенского райкома ВКП(б) и Президиумом Верховного Совета СССР медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945 г. член-корреспондент Академии наук профессор С.Л. Рубинштейн пригласил Н.Н. Ладыгину-

Фотокопия грамоты РК ВКП(б) Фрунзенского района г. Москвы, выданной Н.Н. Ладыгиной-Котс за работу в госпиталях.

Медаль «За оборону Москвы».

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945 г.
С.Л. Рубинштейн
пригласил
Н.Н.Ладыгину-Котс
на работу в Институт
философии АН
СССР

Переход в институт
философии не спас
Надежду
Николаевну
от чиновничьего
произвола

Котс на работу в Институт философии АН СССР в сектор психологии в качестве старшего научного сотрудника по совместительству. В какой-то период (точно установить не удалось) Надежда Николаевна становится штатным сотрудником института философии АН СССР. В архиве музея имеется справка от декабря 1957 г., о том, что Н.Н. Ладыгина-Котс работает в Институте философии АН СССР и по совместительству в Дарвиновском музее.

Но переход в институт философии не спас Надежду Николаевну от чиновничьего произвола.

В архиве музея сохранилось копия письма Н.Н. Ладыгиной-Котс.

«Министру культуры РСФСР т. Филиппову А.Г.

Глубокоуважаемый Александр Гаврилович!

Обращаемся к Вам с большой просьбой. На основании приказа по Управлению Культуры Исполкома Моссовета от 25 мая 1962 года директору Гос. Дарвиновского музея предложено отчислить от работы двух давних штатных научных работников:

Соосновательницу Дарвиновского музея, доктора биологических наук, заслуженного деятеля наук Н.Н. Ладыгину-Котс (50 лет стажа работы в музее)

и научного сотрудника Р.А. Котс (20 лет стажа работы в музее).

Оба мы за время своей работы в музее не имели никаких административных взысканий и каждый из нас выполнял специфическую работу в соответствии с профилем музея, не находясь в прямом подчинении у директора.

Мы вложили много лет нашей жизни, любви и энтузиазма в нашу работу, поэтому просим подойти по-человечески и пересмотреть данный формальный пункт приказа, не ломать нам жизнь и дать возможность в виде исключения продолжать нашу работу в Дарвиновском музее.

Заслуженный деятель науки Н.Н. Ладыгина-Котс

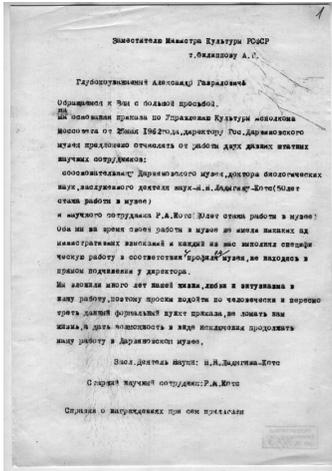
Старший научный сотрудник Р.А. Котс.

Справки о награждениях при сем прилагаем»

[7, с. 1].

По приказу Управления культуры Исполкома Моссовета (борьба с семейственностью) в 1962 г. Н.Н. Ладыгина-Котс была уволена из Дарвиновского музея

Больно читать этот документ, особенно зная, что ни мировая известность в научном мире, ни государствен-

Письмо заместителю
министра культуры РСФСР
т. Филиппову А.Г.

ные награды не были приняты во внимание. Да и вообще, как можно было требовать увольнения СООСНОВАТЕЛЬНИЦЫ музея, которая всю жизнь посвятила музею.

В рукописи А.Ф. Котса «Мой предзакатный «мартиролог»» автор описывает все свои горести на пути создания музея, обиды от чиновников

Еще более горько читать рукопись А.Ф. Котса «Мой предзакатный «мартиролог»», где он описывает все свои горести на пути создания музея, обиды от чиновников и главную боль «Отчисление из Дарвиновского музея его соосновательницы, ученого мирового ранга, Заслуженного деятеля науки Н.Н. Ладыгиной-Котс, наплевав на ее звание заслуженного ученого, наплевав на присужденный ей орден Ленина, чем, безусловно, этим нанесенным ей оскорблением ускорила преждевременная кончина моей жены» [8, с. 300].

Действительно, после такого приказа у Н.Н. Ладыгиной-Котс случился инсульт и 3 сентября 1963 г. ее не стало.

Мечта основателей музея реализована – построено не одно, а целых три здания для Дарвиновского музея. Память о них живет в этих стенах. Каждый посетитель, войдя в фойе, видит два прекрасных мраморных бюста – А.Ф. Котса и Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Но мечта основателей нашего музея реализована. Построено не одно, а целых три здания для Дарвиновского музея. Память о них живет в этих стенах. Каждый посетитель, войдя в фойе, видит два прекрасных мраморных бюста – А.Ф. Котса и Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Н.Н. Ладыгина-Котс с орденом Ленина; г. Москва, 19 сентября 1953 г.

Посетители музея около бюстов А.Ф. Котса и Н.Н. Ладыгиной-Котс; г. Москва, 2015 г.

Имя Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс увековечено в ее родном городе Пензе

Научные труды Н.Н. Ладыгиной-Котс продолжают вызывать огромный интерес ученых. Естественно, ее опыты представлены в экспозиции музея. Особенно радостно, что имя Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс увековечено в ее родном городе Пензе. В мае 2001 г. на здании Первой женской пензенской гимназии, которую окончила Надежда Ладыгина, была торжественно

открыта посвященная ей мемориальная доска. Авторы – скульпторы Александр Саркисович Хачатурян и Александр Сергеевич Кныш. 26 ноября 2010 г. решением Пензенской городской Думы № 472-23/5 имя Надежды Ладыгиной-Котс было присвоено одной из улиц г. Пензы в микрорайоне «Заря-1 мкр. 1» Октябрьского района города. В городе появилась «Улица Ладыгиной-Котс».

1. *Котс А.Ф.* Тридцать лет работы Дарвиновского музея и перспективы его деятельности // История создания Государственного Дарвиновского музея / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 2014. С. 166–209. Архив ГДМ. КП ОФ – 10141/55.

2. *Котс А.Ф.* Автобиография Н.Н. Ладыгиной-Котс // Сооснователи и сотрудники Государственного Дарвиновского музея / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М., 2016. С. 8–45. Архив ГДМ. КП ОФ – 15111/1994.

3. *Котс А.Ф.* Дарвиновский музей до Октябрьской революции (1896 – 1917) // История создания Государственного Дарвиновского музея / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 2014. С. 107–116. Архив ГДМ. КП ОФ – 10141/583.

4. *Котс А.Ф.* О научно-исследовательской работе Государственного Дарвиновского музея // История создания Государственного Дарвиновского музея / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 2014. С. 247–269. Архив ГДМ. КП ОФ – 10141/62.

5. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Наблюдение за зрителем одиночкой в часы дежурства в естественнонаучном отделе выставки, устроенной к музейному съезду. (Доклад перед музейщиками). Архив ГДМ. Рукопись. КП ОФ – 15111/425.

6. *Котс А.Ф.* Работа в госпиталях. Государственный Дарвиновский музей в дни Великой Отечественной войны 1941–1943 // Государственный Дарвиновский музей в годы Великой Отечественной войны / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М., 2015. С. 72–81. Архив ГДМ. КП ОФ – 12497/591.

7. Копия письма Заместителю Министра культуры РСФСР т. Филиппову А.Г. Архив ГДМ. КП ОФ – 11137/177.

8. *Котс А.Ф.* Мой предзакатный «мартиролог» // История создания Государственного Дарвиновского музея / Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 2014. С. 293–303. Архив ГДМ. КП ОФ – 10141/550.

REFERENCES

1. Kohts A.F. Tridtsat' let raboty Darvinovskogo muzeya i perspektivy ego deyatelnosti. In: *Istoriya sozdaniya Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*. Collection of papers in 5 volumes. Vol. 2. Moscow, 2014. Pp. 166–209. Archive GDM. KP OF – 10141/55 (In Russian).
2. Kohts A.F. Avtobiografiya N.N. Ladyginoj-Kohts. In: *Soosnovateli i sotrudniki Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*. Collection of papers in 5 volumes. Vol. 4. Moscow, 2016. Pp. 8–45. Archive GDM. KP OF – 15111/1994. (In Russian).
3. Kohts A.F. Darvinovskij muzej do Oktyabr'skoj revolyutsii (1896–1917). In: *Istoriya sozdaniya Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*. Collection of papers in 5 volumes. Vol. 2. Moscow, 2014. Pp. 107–116. Archive GDM. KP OF – 10141/583 (in Russian).
4. Kohts A.F. O nauchno-issledovatel'skoj rabote Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya. In: *Istoriya sozdaniya Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*. Collection of papers in 5 volumes. Vol. 2. Moscow, 2014. Pp. 247–269. Archive GDM. KP OF – 10141/62. (In Russian).
5. Ladygina-Kohts N.N. *Nablyudenie za zritelem odinochkoj v chasy dezhurstva v estestvennonauchnom otdele vystavki, ustroennoj k muzejnomu svezdu*. (Doklad pered muzejshchikami). Archive GDM. Manuscript. KP OF – 15111/425. (In Russian).
6. Kohts A.F. Rabota v gospitalyah. Gosudarstvennyj Darvinovskij muzej v dni Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1943. In: *Gosudarstvennyj Darvinovskij muzej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. Collection of papers in 5 volumes. Vol. 3. Moscow, 2015. Pp. 72–81. Archive GDM. KP OF – 12497/591. (In Russian).
7. Copy of the letter to Deputy Minister of Culture RSFSR Filippov A.G. Archive GDM. KP OF – 11137/177. (In Russian).
8. Kohts A.F. Moj predzakatnyj «martirolog». In: *Istoriya sozdaniya Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*. Collection of papers in 5 volumes. Vol. 2. Moscow, 2014. Pp. 293–303. Archive GDM. KP OF – 10141/550. (In Russian).